

Искусство строить из дерева зародилось на Руси в глубокой древности и накопило богатые традиции. Русский Север — своеобразный, исторически сложившийся заповедник народной архитектуры, до наших дней здесь сохранились сотни памятников. Но большинство из них теперь уже никого не радует. Оставшиеся без присмотра, раскатынные на дрова,

гниющие, они словно из глубины веков зовут к нашей совести. На Север ежегодно устремляется поток туристов. Неповторимая архитектура, относительная девственность природы — все это, естественно, привлекает людей, но не секрет, что неуправляемый туризм — это бедствие и для природы и для памятников.

ПАМЯТНИК — ОТ СЛОВА «ПАМЯТЬ»

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

Существуют две основные формы сохранения памятников народного деревянного зодчества. Одна из них — это создание музеев под открытым небом. Первый такой музей — «скансен» — был открыт столетие назад в Швеции, и с тех пор ученые спорят: нужно ли их создавать? И действительно, музеи под открытым небом не решают и не берут на себя решение всех проблем сохранения памятников народного зодчества. Поэтому основной формой является сохранение памятника на месте, где он когда-то «родился». В этом случае не нарушаются естественная среда обитания, градостроительные и композиционные связи.

В Архангельской области немало примеров поселений, которые уже являются своеобразными архитектурными и природными заповедниками. Это настоящие музеи под открытым небом, но созданные не искусственно, а рукой северных плотников в XVII—XVIII вв. Среди них — село Верховье на Онеге, Кенозерье, Ошевенская слобода на Каргополье, село Черевково в Красноборском районе, село Чухчерема на Северной Двине, поморское село Конецдворье, Кимжа на Мезени.

Судьба Кимжи сложилась так, что до наших дней это древнее мезенское село сохранило свой старинный облик. В отличие от большинства северных деревень дома здесь не разбирались для перевозки в другое место или просто на дрова, не подвергались реконструкции. Почти до наших дней в селе дожил языческий обычай хоронить умерших рядом с домом или гумном.

По преданию, Кимжа была основана в начале XVI в. выходцами из Новгорода. Немало опасностей ждало переселенцев в необжитых суровых краях. Неудивительно, что первую церковь в селе они посвятили богоматери-путеводительнице — Одигитрии.

Сегодня, как и много лет назад, остро стоит вопрос о сохранении древней Кимжи и этого ее главного памятника. На наших глазах гибнет выдающееся произведение русских зодчих: под его сводами гуляет ветер, крыша прогнила и течет. Необходимы срочные меры, чтобы сохранить весь Кимжинский ансамбль. Об этом не раз писалось в областной и центральной печати. В официальных ответах управления культуры Архоблсполкома от 3 апреля и

28 мая 1987 г. говорилось, что разработан план конкретных работ по сохранению этого уникального строения, а совхоз «Дорогорский» взял шефство над памятником архитектуры, определен объем первоочередных ремонтно-консервационных работ, которые «будут вестись силами местной общестественности и квалифицированными мастерами-плотниками». Но прошли годы, а положение по-прежнему плачевное. Ни квалифицированные плотники-реставраторы, ни абстрактная общественность к ремонту Одигитриевской церкви так и не приступали. Архангельский областной фонд культуры планирует открыть в Кимже международную станцию по созданию уникальных территорий, готовится проект включения Кимжи в список мировых исторических памятников по линии ЮНЕСКО. В 1991 г. в Архангельске состоится конференция стран Северной Европы, Америки и Канады, тема ее — «Уникальные исторические про-

винции»; на будущий год планируется экспедиция в Кимжу географического общества Англии. Но когда же возьмутся за реставрацию Кимжинского ансамбля?

Пример с мезенской церковью отнюдь не единственный, к сожалению, он типичен. В аварийном состоянии находятся сотни памятников деревянного зодчества в Архангельской области. За последние годы около 20 из них безвозвратно утрачены, многие на грани гибели. В 1985—1986 гг. сгорели: культовый ансамбль в Нижмозере на побережье Белого моря, церковь в с. Сельцо Холмогорского р-на, эта же участь постигла ансамбль в деревне Макарьино на Онеге, церковь Двенадцати апостолов в Пиремине на Пинеге. Все памятники находились под государственной охраной. Но никто за случившееся наказания не понес. Легким испугом отделались председатели сельских Советов, в чьем ведении находились памятники.

Уничтожение памятников вовсе не случайность, а результат укоренившейся безответственности людей. Так, с разрешения председателя исполкома Пермогорского сельского Совета Красноборского района А. Пиликина в 1987 г. была разобрана на дрова деревянная Никольская церковь XVIII в. Выходит, что памятники не только не охраняются, но даже уничтожаются теми людьми, кто обязан охранять их по долгу службы. А что же закон? Закон на этот счет бездействует. По признанию самих юристов, статья 230 Уголовного кодекса Российской Федерации мертва. Нельзя привести ни одного случая ее применения. С 1977 г. в СССР действует закон об охране и использовании памятников истории и культуры. Он гласит: «Лица, виновные в невыполнении правил охраны, использования, учета и реставрации памятников истории и культуры, нарушении режима зон их охраны, а также в других нарушениях законодательства об охране и использовании памятников, несут уголовную, административную или иную ответственность в соответствии с законода-

Вверху: декоративная деталь северной избы — резное «солнышко».

Часовня села Федоровского.

Село Концеворье.
Избы деревни Большое Кротово на Пинеге.

тельством Союза ССР и союзных республик» (Ст. 31). Но фактически закон не выполняется.

Реставрация в Архангельской области идет крайне медленно. Некоторые факты: реставраторы не освоили свыше полутора миллионов рублей за последние 12 лет. Сроки реставрационных работ неоправданно растянуты. Холмогорский Спасо-Преображенский собор реставрируется уже 17 лет, за эти годы истрачено полмиллиона рублей, а памятник до сих пор находится в аварийном состоянии. Более 32 тысяч истрачено на реставрацию Рождественской церкви в селе Бестужево в Устьянском районе, начатые работы не были завершены, и с 1981 г. памятник заброшен, его шатер рухнул. Эта же печальная участь постигла деревянную Сретенскую церковь XVII в. в Заостровье. Памятник «открыли» (удалили обшивку, проложили шурфы), а потом все забросили.

Многие памятники не имеют арендаторов или используются с нарушением закона. Так, неподалеку от Архангельска в древнем поморском селе Концеворье сохранились шатровая Никольская церковь и колокольня. Ранее эта церковь стояла в Архангельске до 1769 г., затем была куплена концеворскими крестьянами и перевезена в село. Здесь и сохранилась древнейшая и единственная деревянная церковь Архангельска того времени, когда весь город был деревянным. До недавнего времени ее арендовал совхоз «Северодвинский», используя под склад. Следы варварского отношения к памятнику видны невооруженным глазом: кровля прогнила, покрытие алтарного прируба напоминает решето. Интерьер искорежен до неузнаваемости: скопились кучи досок и пожароопасного мусора, мешки с невывезенными минеральными удобрениями.

Подобная ситуация с деревянными памятниками характерна для всего Русского Севера. В Карелии, по данным ВООПИиК, из 202 охраняемых государством памятников деревянного зодчества лишь 18 приведены в удовлетворительное состояние. В Вологодской области только из-за отсутствия своевременного ремонта

погибли 14 памятников и еще 125 находятся в аварийном состоянии (из 198 состоящих под государственной охраной)¹. А по данным Министерства культуры СССР, в стране ежедневно погибает 12 памятников истории и культуры. Это притом, что государственные ассигнования на их реставрацию возросли в 5 раз по сравнению с 1986 г.

Ни для кого не секрет, что нынешняя система охраны и реставрации памятников прошлого доказала свою полную несостоятельность. Здесь правит затратный принцип, при котором важно не спасти уникальное сооружение, а вложить в него побольше денег — вне зависимости от конечного результата. Вот и оказываются памятники в аварийном состоянии, едва с них снимут реставрационные леса.

На Архангельском Севере, испокон веков славившемся талантливыми и искусными плотниками, сейчас профессия плотник-реставратор — вымирающая. Предложение о создании специальной группы плотников-реставраторов в одном из многочисленных городских строительных ПТУ

неоднократно высказывалось архангельскими архитекторами, реставраторами и вроде бы находило поддержку у руководства области, но до реального воплощения дело так и не дошло. В последнее время стали прибегать к помощи студенческих строительных отрядов. С 1982 г. отряд «Атеист» Архангельского педагогического института ведет консервационные работы памятников Кенозера. Бойцы отряда и архитекторы московского института «Спецпроектреставрация» не дали погибнуть 30 памятникам деревянного зодчества. Северодвинский самодельный клуб реставраторов принял участие в восстановительных работах на памятниках архитектуры в окрестностях города.

Одним энтузиазмом студентов и добровольцев в спасении памятников русской культуры не обойтись. Непрофессиональные реставраторы выполняют только противоаварийные и консервационные работы, а необходима полная реставрация, проводимая на строго научной основе. Давно уже назрела необходимость разработать обоснованную целевую программу реставрации и обязательного использования памятников в Архангельской области с выполнением триединой задачи: исследование — сохранение — использование. И нужно, чтобы она стала государственной программой.

Кроме действенного законодательства и государственной программы по охране памятников, необходимы люди-реставраторы: архитекторы и плотники, инженеры, получающие не только обязательную, но и специальную подготовку. Этика консерваторов и реставраторов всех рангов должна покоиться на принципе несения моральной ответственности во время производства работ.

В стране необходим специальный центр обучения мастеров по реставрации архитектурных памятников. В 1977 г. в Венеции был учрежден Европейский центр для подготовки специалистов по реставрации и консервации памятников архитектуры. Обучение в нем проводится по 3 основным направлениям: древние технологии, теория и практика современной реставрации, консервация архитектурного наследия. Например, программа 3-месячных курсов включает следующие дисциплины: история строительных конструкций — 58 час., реставрация и строительные материалы — 39 час., строительные обмеры — 16 час., черчение — 12 час., основы консервации архитектурного наследия — 14 час., знакомство с реставрационными работами на памятниках — 21 час., ита-

Окно избы Попова из деревни Погост Каргопольского района. XIX в.

Ограда музея и мельница из деревни Б. Шалга.

льянский язык — 14 час., практическая работа по реставрации и консервации памятников истории и культуры — 250 час., экзамены — 14 час. Всего 500 час. Обучение завершается экзаменами и аттестацией, по результатам которой выдается удостоверение и присваивается квалификация «Мастер по консервации архитектурного наследия»².

Важной причиной отсутствия и текучести квалифицированных плотников-реставраторов является не только падение плотницкого престижа, но и их низкая заработная плата. Плотник 2-го разряда в среднем получает 150 руб., высшего разряда — немногим более 190 руб., 1 час работы последнего стоит 1 руб. 15 коп. Изготовление и постановка на крыше одного из самых сложных элементов безглавой конструкции кровли — охлупня — стоит 28 руб. 80 коп.

15 лет назад на участке в Малых Корелах работало 15 плотников, сейчас такое количество не наберется на всю Архангельскую область. В музее деревянного зодчества их осталось 5 человек, иногда месяцами работы вообще не ведутся. Здесь сменилось 30 прорабов, фактически нет архитекторов. За 15 лет в областной реставрационной мастерской сменилось 6 директоров. Мастерская превратилась в просто реставрационный участок.

Значительная роль в сохранении памятников народной архитектуры принадлежит музеям под открытым небом. Со временем они должны превратиться в научно-исследовательские и научно-методические центры по изучению и сохранению памятников своего региона. Думается, что здесь нужно идти не по пути создания многочисленных филиалов (хотя такая форма не

исключается), а по пути создания «действующих скансенов на местах», и чтобы местные жители и государственная власть, на чьей земле стоит памятник, были заинтересованы в его сохранении и жизни.

Одним из путей создания экоскансенов является возрождение народной традиционной культуры Русского Севера: ремесел, фольклора, проведение ярмарок, народных фестивалей. В 1989—1990 гг. Архангельским государственным музеем деревянного зодчества совместно с работниками культуры Красноборского и Коношского районов организованы и проведены праздники «Масленица» в селе Уфтыга Красноборского района и Вохтомском Торжке Коношского района.

В 1989 г. в старинной Ошевенской слободе — центре уникальной культуры Каргополя — инициаторами проведения такого народного праздника стали учителя и ученики местной средней школы. Думается, в работе по пропаганде, сохранению памятников прошлого реставраторы, музейные работники должны заручиться союзом с сельской интеллигенцией, прежде всего с учителями, многие из которых являются выпускниками Архангельского педагогического института, где уже несколько лет читают курс по этнографии.

В сердце Литвы в приходе Пабережье Кедайняйского района ксендзом Станиславом, человеком сложной и трудной судьбы, с помощью прихожан восстановлен и действует живой музей под открытым небом. Это деревянная церковь и колокольня, две крестьянские усадьбы и кладбище. Все здесь сделано с удивительной любовью и мудростью. Например, перилами для моста служат разной вели-

чины колеса от телег и повозок, в церкви и в доме собраны замечательные коллекции церковной утвари, деревянных крестов (в том числе и работы известного литовского мастера деревянной резьбы Свирскиса), колокола, медная посуда, библиотека. Все это живое, каждый человек может найти приют у отца Станислава и остаться на сколько он пожелает. На человека Пабережье производит очень сильное впечатление, именно здесь слились воедино два таких понятия, как музей и храм. И на этом бы хотелось остановиться особо.

Следует вспомнить, что музей — «museum» — это храм муз, покровитель поэзии, искусств и наук. Таково первоначальное, античное представление о музее. В какой-то мере все мы верующие: мы верим в культуру, в ее бессмертные ценности. Вот почему каждого культурного человека крайне возмущает ужасающее состояние отечественных храмов. Храмы, монастыри, используемые не по своему назначению и не являющиеся музеями, должны быть возвращены церкви. Но передача должна проходить только по требованию верующих и церкви. Трудно представить, что тысячи храмов, переданные церкви в аварийном состоянии, могли бы быть сразу ею восстановлены. Просто единовременная передача повела бы к еще большему разрушению. Следовательно, передача должна проходить только по требованию верующих и с их обязательством восстановить наши религиозные святыни и хранить их.

На территории Архангельской области сейчас расположено всего 19 приходов,

Избы северных деревень.

есть районы, где нет вообще ни одной действующей церкви: Пинежский, Ленский и др. Например, из такого удаленного юго-восточного района как Ленский, прихожане ездят в церковь за 300 км в город Котлас или в соседнюю Коми АССР. В то же время по р. Вычегде сохранилось большое количество каменных церквей XIX в., построенных местными купцами, они в довольно хорошем состоянии, но заколочены и не используются.

Изгнав священное из храмов, превратив их в склады, спортивные залы, вычислительные центры, колонии для несовершеннолетних преступников, бассейны и т. д. или еще чаще — в пустующие, разрушающиеся от времени здания, закрытые на большие амбарные замки, мы лишили их души и жизни. Искусство и религия, то есть музей и храм — вот духовный стержень развития общества. Они призваны быть той духовной средой, в которой человек переживает очищение и обретает новый духовный потенциал, так необходимый в нашей повседневной жизни³.

В большинстве случаев церкви строились на народные деньги. Даже если церковь давала деньги, она была только передатчиком средств. Народ зачастую жертвовал свои последние трудовые гроши на построение храма. Сборщики средств собирали деньги, иногда сотни верст. И если музей владеет церковью, то допустимо, чтобы время от времени здесь совершались религиозные службы, как это и делается во многих храмах мира⁴. Как бы реставраторы ни заботились о вос-

становлении закрытых церквей, храм, лишенный подлинно храмовой жизни, обречен на духовную, а затем и физическую смерть. Именно поэтому так легко отличить действующий храм от того, что мы называем памятником архитектуры. Но, к счастью, у нас есть и другой опыт: сосуществования храма и музея, когда храм в определенные часы становится местом для проведения экскурсий, для показа и рассказа о его истории, достопримечательностях и шедеврах. Пример тому — Успенский собор во Владимире.

Сочетание храма, монастыря, музея — явление отнюдь не новое. Об этом свидетельствует действующий много лет в Троице-Сергиевой Лавре государственный музей. Эти идеи, разработанные П. Флоренским (в 1918 г. — ученым секретарем Комиссии по охране памятников старины и искусства Троице-Сергиевой Лавры и хранителем ризницы, рассматривавшим Лавру как «единный живой музей»), близки принципам, лежащим в основе современных экомузеев⁵. И пожалуй, только сейчас подобные идеи стали разрабатываться и осуществляться по-настоящему. Значит, у храма и музея есть возможность соседствовать, сосуществовать и взаимодействовать, участвуя в общей просветительской миссии, проповедуя духовные начала в нашей жизни.

Ежедневная служба в музейных храмах вовсе не обязательна. Вспомним, что в новгородской церкви Николы на Липне конца XIII в. служба совершалась раз в году, во всемирно известной церкви Покрова на Нерли — два раза в год. Для музеев-скансенов эти проблемы также актуальны. В Архангельском государственном музее деревянного зодчества, в Георг-

гиевской церкви, через несколько лет будет восстановлен резной деревянный иконостас XVIII в., и встанет вопрос о создании экспозиции и использовании этого памятника.

Памятник — от слова «память». Равнодушие к своим историческим корням, к памяти человеческой не проходит бесследно. Оно отражается на судьбах нового поколения, которое расплачивается за это незнанием истории своего края, села, семьи, духовной ущербностью. Нить человеческой памяти сама собой не продлится. Исполон веков народ сам берег и передавал ее будущим поколениям. Великие умы всех времен и народов повторяли мысли о том, что у народа, который не бережет своего прошлого, нет будущего. Потерянные и разрушенные памятники не восстанавливаются — и возмездием за это станет бездуховность следующих поколений.

Анна ПЕРМИЛОВСКАЯ,
ученый секретарь Архангельского
государственного музея деревянного
зодчества и народного искусства

Рисунки С. Нозиковой,
фото С. Суетина

Примечания

¹ Волконская Л. Закон, спаси культуру // Человек и закон. — 1989. — № 9.

² «Crafts and Heritage». Strasbong, 1988. — № 1.

³ Смирнов Марк. Высокий строй души // Museum. — 1988. — № 157. — С. 70.

⁴ Лихачев Д. С. Народ должен иметь свои святыни // Лит. газета. — 11.90. — № 15. — 11 апр.

⁵ Флоренский П. А. Храмовое действо как синтез искусства // Museum. — 1988. — № 157. — С. 71—77.